

ПРОБЛЕМА НЕДОЕДАНИЯ, ИЛИ ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ГЕРОЙ МАЛО КАШИ ЕЛ

В статье мы анализируем тему ассасинства как губительного свидетельствования на материале произведений современной культуры — романа «Омон Ра» (1992) и рассказа «Ассасин» (2008) Виктора Пелевина — в свете мотива недоедания. В реальном плане ассасинство представляет собой миссию по изменению устройства социума, художественно оно осмыслено как его порождение и требует для себя выполняющего общественные нормы и предписания героя.

Одной из норм пути ассасинства выступает потребление регламентированной пищи перед совершением акции. В произведениях В. Пелевина провал миссии недоевшим предписанное количество пищи героем осечки приводит последнего к новому знанию. Недоедание как сюжет выступает в качестве критики ведущих к бесплодной гибели навязываемых в повседневности консюмеризма, гламура и демонстративного потребления.

Ключевые слова: ассасин, Виктор Пелевин, недоедание, герой осечки, смерть.

Статья посвящена вопросу недоедания главных героев романа Виктора Пелевина «Омон Ра» (1992) [9] и рассказа того же автора «Ассасин», вошедшего в сборник «П5: прощальные песни политических пигмеев Пиндостана» (2008) [10], предметом исследования выступают недоедание и его роль в процессе внутреннего становления главного героя. Актуальность статьи состоит в том, что, с нашей точки зрения, социумы западной культуры пытаются художественными средствами осмыслить наносимую феноменом ассасинства травму. Терроризм регулярно возникает в ходе вооруженных конфликтов и терактов, наиболее ярко, публично и культурно значимо для мирового сообщества — в ходе серии террористических актов в США 11 сентября 2001 года.

Рассмотрение феномена ассасинства в указанных произведениях, с одной стороны, отсылает нас к художественной традиции, посвященной данной тематике. С другой стороны, оно обращает наше внимание к более широкому определению идущего на смерть свидетеля социума — фидаи, что в арабском языке означает «свидетель». Ассасин, в одной из трактовок переводящийся как потребляющий гашиш, изменяет политическое устройство социума путем убийства, но может при этом не становиться фидаи.

Феномен фидаи соответствует логике социетального, то есть входит в систему интеракции, в аналитическом плане «обособленную от совокупности процессов действий отдельных своих участников» [8, с. 99]. Обособление от процессов действий отдельных участников, которое реализовано через выход за рамки правил игры становления обреченного на смерть свидетеля-ассасина, актуализирует вопрос о тоталитарности породившего его социума.

Тоталитарная модель социума единственно возможным признает то, что способствует достижению телоса проекта, который оправдан восстановлением мощи, силы и идентификации социума [7, с. 27]. Также исключено все действующее по собственным законам: «Равенство своих подданных перед лицом власти было одной из главных забот всех деспотий и тираний с древнейших времен, и все же такое уравнивание недостаточно для тоталитарного правления <...> Если тоталитаризм воспринимает свою конечную цель всерьез, он должен прийти до такой точки, где захочет «раз и навсегда покончить с нейтральностью даже шахматной игры», то есть с независимым существованием какой бы то ни было деятельности, развивающейся по своим законам» [2, с. 428].

В силу угрозы обществу тоталитарный проект допускает существование подлинного свидетеля лишь как обреченного на смерть, при этом обреченный видит насилие и жестокость проекта, которые не могут быть оправданы телосом с позиций конкретного индивидуума-свидетеля. Подлинным свидетелем становится тот, кто обречен на гибель [13, с. 17], при этом, несмотря на весь сопутствующий пафос гибели, само свидетельствование все же происходит.

Современная художественная традиция описания ассасинства во многом опирается на роман Владимира Бартоля [12], который представляет собой программное произведение и интерпретирует феномен ассасинов в романтическом ключе. Согласно романтической традиции прекрасных молодых доверчивых юношей помещают в уединенную в горах местность, где окуривают гашишем и в пышных экзотических садах ублажают обворожительными наложницами, говоря, что этой рай. Для возвращения в прекрасные кущи необходимо погибнуть в ходе исполнения задания. Запланированным результатом воздействия выступают фатальная преданность интересам духовных авторитетов и готовность к смерти во имя организации.

Описанная романтическая модель представляет собой, по нашему мнению, результат процессов ориентализации, которую мы понимаем в рамках трактовки Эдварда Саида: «The construction of identity — for identity, whether of Orient or Occident, France or Britain, while obviously a repository of distinct collective experiences, is (Курсив не мой. — Д. Б.) finally a construction — involves establishing opposites and «others» whose actuality is always subject to the continuous interpretation and re-interpretation of their differences from «us». Each age and society re-creates its «Others» [15, с. 332].

Основой для описанной Э. Саидом модели ориентализации в рассматриваемом случае послужили те смутные знания и представления об ассасинах, которыми обладала европейская общественность в XIX–XX веках. Одним из первых об ассасинах упоминает еще Александра Дюма (отец) в середине XIX века в главе «Италия. Синдбад-мореход» своего популярного романа «Граф Монте-Кристо» [5].

В качестве актуального для нас логического ядра мы понимаем феномен ассасина как человека, достигнувшего внутреннего совершенства на пути познания истины и предельного опыта в деянии убийства, ориентированного на изменение политической системы. Во время или после этого деяния, самостоятельно или при помощи других он осмысленно идет на смерть. С позиций ассасина дальнейшая жизнь после совершения активного действия не имеет смысла, а смерть имеет вторичной своей целью скорее предстать пред Аллахом для получения награды.

Содержанием травмы для европейского социума здесь следует признать отсутствие объекта судебного преследования, поскольку модой последних веков в этом движении стало то, что ассасин погибает именно в момент совершения акции. Отягчающим фактором выступает принципиальная невозможность для современного европейского социума переноса индивидуальной вины погибшего ассасина на национальный или культурный коллектив, поскольку такой механизм отсутствует в правовой системе. В качестве последних обращений к осмыслению столь интригующей фигуры следует назвать киноработы Райана Джонсона «Петля времени» [4] и Джозефа Косински «Обливион» [6]. Главные герои данных кинопроизведений только накоплением информации и ценой собственной смерти достигают цели, таким образом, социум сам конструирует идущего на смерть свидетеля, террориста, свидетеля-ассасина.

Для телоса социума целесообразно установление заданной программы дискурса, языка интерпретаций, перспектив развития и результатов. Конструирование опыта свидетельствования (в случае нашей статьи — через потребление предписанной пищи) приводит к интеграции индивидуума в социум, что подразумевает открытость Другому, но не означает самоутраты, поскольку самопознание не есть то, что может быть обнаружено в изоляции от других [14, с. 7]. Нарушение траектории приобретения опыта — через недоедание — приводит к выходу индивидуума за рамки социума.

Недоедание интерпретировано нами как отказ от потребления в разной степени жесткости предписанного социумом объема пищи. Подчеркнем, что замысел статьи состоит в рассмотрении роли недоедания в развитии сюжетного механизма *rite de passage* героев рассматриваемых произведений Виктора Пелевина.

Центральные сюжеты обоих анализируемых произведений мы относим к проблеме внутреннего становления специфического и популярного в европейской культуре героя-ассасина, анализ отражения основных сюжетных линий которого для европейской культуры приведен в работе Фархада Дафтари [3]. Сюжеты выбранных произведений рассмотрены в контексте ставших классическими произведений популярной культуры на тему ассасинства как культурного явления — романах «Аламут» Владимира Бартоля [12] и романе «Террорист» Джона Апдайка [1], а по работе Владимира Яковлевича Проппа изучается их сказочная составляющая в части образа пищи мертвых [11, с. 67].

Под пищей мертвых В. Я. Пропп понимает некоторый конфликт относительно интерпретации традиционной сказочной тетрарной конструкции о необходимости истоптать три пары железных сапог, износить три железных посоха и изглотить три железных хлеба. Если в первой и второй частях эпитет указывает на прочность материала и большой промежуток времени, необходимый для выполнения указанных операций, то в случае хлебов он отсылает к теме пищи мертвых, поскольку есть железо для живых недоступно.

При разложении сюжета на структурные составляющие, что оправдано переводным характером части привлекаемых к анализу материалов, идеальная морфология сюжета об ассасине выводится следующей: потенциальный герой + волшебная пища + испытание = состоявшийся мертвый ассасин. В «Омон Ра» и «Ассасине» Виктора Пелевина представлена модель героя с осечкой в образовательной траектории: потенциальный герой + недостаточное количество волшебной (мертвой) пищи + провал испытания = просветленный герой.

В то время как традиционно герой сказок должен истоптать три пары железных сапог, износить три железных посоха и изглотить три железных хлеба отклонения в предписанных моделях поведения рассматриваются нами в качестве примеров недоедания. Так, в романе «Омон Ра» герой осечки Виктора Пелевина не догрызает свой тридцатый по счету «железный хлеб» — стальную банку тушенки, а в рассказе «Ассасин» Али не съедает предписанной обществом порции пищи с гашишем, что мы рассматриваем как примеры недоедания и невыполнения конструируемой социумом модели опыта. Таким образом, в центр сюжета автор В. Пелевин ставит не реакцию повседневности на окружающий странный мир, но героя осечки на повседневность.

Обращает на себя внимание, что недоедание героями осечки предписанной нормами пищи выступает общим местом и для других европейских авторов, работающих в данной тематике. Например, в романе Джона Апдайка «Террорист» герой осечки, не съев предписанного обычаем, не только обретает новое знание, но и через тему сравнения насекомых и людей находит выход всей своей внутренней убийственной силе. Так, вместо подрыва начиненным взрывчаткой грузовиком транспортного тоннеля с большими человеческими жертвами герой реализует свой убийственный потенциал в смерти жука. Ахмад убивает насекомое переворачиванием водительскими правами [1, с. 262-263, 285, 305], в чем находит отражение сказочная модель поведения — избегание большего вреда нанесением малого. К сказочному отсылает также запрещенная религиозными предписаниями фотография на водительских правах, которая волшебным образом (при помощи звездочек и блесок) оформлена.

Подводя итоги, следует отметить, во-первых, в рассматриваемых нами произведениях происходит нарушение указанной вначале сюжетной схемы в пищевом звене — герой осечки не доедает так или иначе регламентированного количества волшебной пищи, поэтому внутренняя трансформация героя происходит, но приводит к иному, нежели запланировано, результату. Во-вторых, в ходе *rite de passage* главного героя возникает ситуация выбора — успешная в профессиональном плане смерть, или изм(ен)енное состояние, означающее выход за рамки игры по правилам социума. В результате герои осечки рассмотренных произведений в отклонение от традиции описания ассасинства выживают, в результате внутренней трансформации они достигают отличного от закладываемого состояния и иной степени познания. Недоедание как сюжет в рамках российского и мирового медиа-дискурса и массовой культуры мы интерпретируем в качестве критики ведущих к бесплодной гибели тоталитарно навязываемых в повседневности консюмеризма, гламура и демонстративного потребления.

Список использованной литературы:

1. Апдайк Дж. Террорист: [роман] / Джон Апдайк; [пер. с англ. Т. А. Кудряцевой]. — Москва: АСТ, 2009. — 319 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Ханна Арндт; [пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова, послесл. Ю. Н. Давыдова. под ред. М.С. Ковалевой, Д. М. Носова]. — Москва: ЦентрКом, 1996. — 672 с.
3. Дафтари Ф. Легенды об ассасинах: Мифы об исмаилитах / Фархад Дафтари; [пер. с англ. Л. Р. Добыхудоевой]. — Москва: Ладомир, 2009. — 212 с.

4. Джонсон Р. Петля времени: [роман] / Райан Джонсон; [пер. с англ. яз.]. — США–КНР, 2012. — 118 мин.
5. Дюма А. Граф Монте-Кристо: [роман]: в 2 т. / Александр Дюма (отец) [пер. с фр. яз. Л. Олавской, В. Строева]. — Москва: Правда, 1989. — Т. 1. — 640 с.
6. Косински Дж. Обливион: [роман] / Джон Косински; [пер. с англ. яз.]. — США, 2013. — 126 мин.
7. Лаку-Лабарт Филипп, Нанси Жан-Люк. Нацистский миф / Филипп Лаку-Лабарт, Жан-Люк Нанси [пер. с фр. С. Л. Фокина]. — Санкт-Петербург: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. — 79 с.
8. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Толкотт Парсонс // Thesis. — 1993. — Т. 1. — № 2. — С. 94–122.
9. Пелевин В. Омон Ра: [роман] / Виктор Пелевин. — Москва: Вагриус, 2003. — 223 с.
10. Пелевин В. Ассасин: [рассказ] / Виктор Пелевин // П5 / Виктор Пелевин. — Москва: Эксмо, 2008. — 288 с.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / Владимир Яковлевич Пропп. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. — 365 с.
12. Bartol V. Alamut: [novel] / Vladimir Bartol; [trans. from Slovenian by M. Biggins]. — Seattle: Scala House Press, 2007. — 389 p.
13. Felman S. Testimony: Crisis of Witnessing in Literature, Psychoanalyses and History / Shoshana Felman. — New-York, London: Routledge, 1992. — P. 1–56.
14. Ipseity and Alternity: Interdisciplinary Approaches to Intersubjectivity; eds. Shaun Gallagher, Stephen Watson. — Rouen: Publications de l'Université de Rouen, 2004. — 380 pp.
15. Said E. Orientalism / Edward Said. — London: Penguin, 2003. — 395 pp.

A Challenge of Malnutrition or What Happens if a Hero Has not Eaten Enough Food

In this article we analyze such a theme of up-to-date culture as assassin. On the base of the novel «Omon Ra» (1992) and the story «Assasin» (2008) by Viktor Pelevin we discussed concepts of malnutrition. It was shown how failure leads the falter hero to new experiences.

Key words: assassin, Viktor Pelevin, malnutrition, falter hero, death.

УДК 821.161.2+821.111]-31.091

Дарія Хохель (Кам'янець-Подільський)

НАСКРІЗНИЙ ЕПІТЕТ У РОМАННИХ ТЕКСТАХ Г. ПАГУТЯК І С. КЛАРК

У статті розглядається роль наскрізних епітетів у творах «Урізька готика» Г. Пагутяк та «Джонатан Стрейндж і містер Норрелл» С. Кларк як засобу втілення фантастичного компоненту художнього світу творів.

Ключові слова: епітетна структура, наскрізний епітет, повтор, Г. Пагутяк, С. Кларк.

Розглядаючи роль повторів у тексті, підкреслюють їх сполучну функцію, роль у формуванні когерентності тексту [2; 11; 15]. Розвиток певної мікротеми загалом нерідко здійснюється за допомогою повтору як «захвата, який виконує смислову і структурну функції» [2, с. 101]. Такий повтор виокремлює значимі фрагменти тексту, дозволяє водночас підтримувати зв'язність мікротексту й відокремлювати його як визначену структуру в межах тексту. За Наталією Молотаєвою, семантичний повтор має «експресивну функцію посилення, градації та уточнення» [3, с. 93] і становить яскравий стилістичний засіб. Повтори не лише сприяють когерентності тексту, а й роблять його динамічним. Зокрема, Джеффері Ліч і Мік Шорт зазначають, що «мабуть, найбільш визначною рисою зв'язності текстового уривка є різного роду повтори» [11, с. 323], цієї ж думки дотримується Кеті Уейлс [15, с. 341].